

ДОКТОР
Филип Аллен Грин

ЛЮДИ СКОРОЙ

ЧЕСТНЫЕ ИСТОРИИ О ТОМ,
КАК СПАСАЮТ ЖИЗНИ

Филип Аллен Грин
Люди скорой. Честные истории
о том, как спасают жизни
Серия «Сам себе психолог (Питер)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57910283

*Ф. А. Грин. Люди скорой. Честные истории о том, как спасают жизни: ООО Издательство «Питер»; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-4461-1749-9*

Аннотация

«Я стал врачом, чтобы быть с людьми в самые важные моменты. Чтобы стоять на краю обрыва вместе с другим человеком и вместе с ним вглядываться во мрак неизвестности. Я стал врачом, потому что тоже боюсь. Потому что хочу хоть как-то ослабить страх – не только свой, но и страх всех людей». В своей второй книге Филип Аллен Грин расскажет о людях скорой – врачах и тех, чьи жизни они спасают. Приготовьтесь услышать истории, которые вы едва ли забудете: о праве на надежду; о том, что значит оставаться человеком в самой главной битве – битве за жизнь, свою или чужую; о том, чего может стоить победа, и о том, кому приходится платить за нее.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Люди скорой	5
Благословение первое и последнее	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Филип Грин

Люди скорой. Честные истории о том, как спасают жизни

Philip Allen Green, M.D.

People of the ER

© 2017 Philip Allen Green M.D.

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2021

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2021

© Серия «Сам себе психолог», 2021

*** * ***

Посвящается моей семье

Люди скорой

Хочу рассказать вам о тех, с кем я встречаюсь каждый день и о ком еще не рассказывал.

Это люди приемного покоя.

У них давно сформировалась зависимость в самой крайней ее форме. Они безумцы и не желают признавать своего безумия. Они алкоголики, наркоманы, насильники – с ними нельзя иметь дело.

Если присмотреться, таких можно встретить в любом приемном покое. Они разбросаны по разным палатам и прячутся за шумом и хаосом, среди пациентов с загрудинной болью и травмами. Их легко не заметить, пройти мимо, скользнув пустым взглядом. Но только не сегодня. Давайте начнем с палаты № 1.

Здесь находится мужчина. Зовут его Стивен. Он алкоголик. Нет, не такой: «Привет, меня зовут Стивен, и я алкоголик». Нет, Стивен – алкоголик из приемного покоя. Вы наверняка встречали его раньше. По крайней мере, точно такого же Стивена из своего города.

Он один из тех, кого мир пережевал и выплюнул, жалкий отброс человечества, падальщик, который скрывается во мраке, когда вы в три часа ночи включаете аварийное освещение. Его (и ему подобных) можно увидеть на скамейках в парке или на газонах практически в любой точке горо-

да. Он не похож на попрошайек с аккуратными, написанными от руки табличками с просьбой о милостыне. Истинные Стивены всегда слишком пьяны для подобного. Проезжая мимо, вы говорите детям: «Этот дядя просто спит», но сами-то понимаете, в чем дело. Этот дядя мертвецки пьян в половине восьмого утра.

Стивены есть везде.

В определенном смысле Стивены – настоящие граждане мира. Они не признают политики и границ. Они жили и живут во всех странах и во все эпохи с незапамятных времен. Это особое племя и особый народ, истинные кочевники, унесенные ветром. Зимой они мигрируют на юг. Когда приходит лето, они бредут назад, от бутылки к бутылке. Они есть во всех маленьких и больших городах мира.

Если хотите поговорить со Стивеном или просто принести ему сэндвич, ищите его по осколкам. По сверкающей в лучах солнца тропе. По трагическому пути. Опуститесь на колени и сделайте глубокий вдох. Вы почувствуете запах перегара. Глаза у вас заслезятся, а в носу засвербит, словно вы вдохнули отбеливатель для стирки.

Чуть повернитесь, и тропа засверкает еще ярче, словно алмазная пыль. Прозрачное стекло водочных бутылок отлично блестит на солнце. Наклонитесь еще ниже, и вы разглядите яркие красные, синие и зеленые осколки бутылок Mad Dog 20/20¹. Бутылки упали и разбились. Они все

¹ Mad Dog 20/20 – дешевое американское вино от 13 до 18 % спирта, окрашен-

еще сочатся крепленным вином. Они расцвечивают тропу, как капли краски, упавшие с кисти художника. Вы заметите несколько золотых блесков украденной в магазине бутылки Goldschläger². Трагический путь неожиданно становится таким немисливо прекрасным, что устоять невозможно. Вам хочется идти дальше, найти художника.

И вы идете вперед, вдоль этой тропы, словно гончий пес, взявший след. Путь Стивена лежит из приемного покоя через больничную парковку, затем на Мейн-стрит, к автобусной остановке. Здесь он резко сворачивает налево, в переулок, и ведет к помойке возле KFC. Стивен отлично знает местного прыщавого менеджера-скандалиста. Стивен поднимает крышку, залезает в бак, перекусывает холодной курицей и застывшей картошкой и шагает дальше.

Остановка возле винного магазина, чтобы пополнить запасы. Расплачивается Стивен собранными бутылками и банками. Оттуда он направляется к реке, перелезает через проволочную изгородь, скользит по глинистому берегу. И вот он дома. Тут можно и расслабиться с бутылкой. Стивен собирает ветки и разводит огонь на старом кострище. Скоро подтянутся другие бродяги. Их охота и странствия на сегодня закончились. Цена входного билета – спиртное, и каж-

ное в яркие цвета в зависимости от ароматизатора – кокос, апельсин, лайм, красный виноград и т. п. Стоимость – около 5 долларов за бутылку. (*Примеч. ред.*)

² Goldschläger – швейцарский элитный шнапс с корицей и хлопьями золота (13 мг на 1 л напитка). Стоимость – около 300 долларов за бутылку. (*Примеч. ред.*)

дый приносит свою долю, бутылки, которые позвякивают в их сумках и рюкзаках.

Посмотрев на их лагерь, можно не заметить ничего, кроме грязи: старые одеяла, пара использованных шприцов, перевернутая магазинная тележка на трех колесах. Вам неизвестно, что это посадочные огни. Это сигнал другим алкоголикам и наркоманам, бродящим поблизости. Когда наступит момент и начнется откат после героинового или алкогольного кайфа, эти огни подадут сигнал: «Аварийная посадка! Приземляйся к нам!»

Если осмелитесь, можете перелезть через изгородь и спуститься к реке. Можете вторгнуться в лагерь, пинать бутылки или самих бродяг, орать на них во все горло. Но Стивены посмотрят на вас остекленевшим взглядом и снова присосутся к бутылкам. И глаза их будут так же пусты, как бутылки, валяющиеся под ногами.

Да, алкоголики – люди приемного покоя. Люди между нот, играющие не по правилам. Но они не единственные.

В палате 5 лежит Мэнди Б. Она наркоманка – сидит на бенадриле. Да-да, вы не ослышались: на бенадриле. Два-три раза в неделю она поглощает огромные упаковки розовых антигистаминных таблеток. Посасывая их, словно конфетки, она покидает этот мир и улетает в свой собственный мир между нот. А потом Мэнди бродит по парковке у супермаркета, натываясь на машины и столбы освещения и беседуя с людьми, которых никто, кроме нее, не видит. Кто-то вызы-

вает полицию, потом скорую, и она, как блудная дочь, возвращается к своему народу.

К людям приемного покоя.

Она ковыляет по приемному покою, мышцы ее подергиваются, словно у наполовину обезглавленной индейки, которая мечется по птичнику накануне Дня благодарения. Мэнди пытается ходить. Каждое ее движение выглядит странно – стоп-старт, стоп-старт, стоп-старт, *стон!* Губы ее кривятся, слова сливаются в неразборчивую кашу, расширенные зрачки похожи на две черные луны на свекольно-багровом лице. Она шарахается от пауков, змей и чудовищ, которых видит только она одна. Они ползают по полу, стенам, проходят сквозь стены и проникают под ее кожу.

– Вернись в палату! – кричу я, когда она пятнадцатый раз за четверть часа выходит в приемный покой, бормоча что-то про летучую мышь, кошку или шляпу, прилипшую к ее руке.

Да, Мэнди Б. точно одна из людей приемного покоя.

Не поймите меня превратно. Здесь есть и другие. Те, кого вы назвали бы «нормальными». Такие, как вы. В одиннадцатой палате лежит бизнес-леди Шелби с гриппом. В шестой – четырехлетняя Тами с больным ухом. В девятой – семидесятилетний мужчина, имени которого я еще не запомнил. У него пневмония.

Когда эти люди смотрят на мир, они видят только таких же, как они. Людей приемного покоя они не замечают. А если и замечают, то чаще всего смотрят на них с вялым лю-

бопытством. Как на трехногую собаку, которая во вторник проковыляла мимо их дома. Посмотрели на нее – и тут же забыли.

Но я не забываю. Я не могу. Я постоянно вижу их.

Вот, например, Энтони. Он в восьмой палате. Энтони сидит на коке. Нет, не на газировке. Я встречаюсь с ним два раза в месяц по понедельникам. После уик-энда, следующего за днем зарплаты. Зарплату он тратит на кокаин и проституток.

В последнее время его мучают вызванные кокаином боли в груди. Страсть к кокаину буквально сжигает его. Измученный миокард дает депрессии сегмента ST на ЭКГ – и неудивительно после сорока восьми часов кокаина, секса, музыки техно и химических радостей. Эти радости наполняют его сорокасемилетнее сердце, но потом оно стонет, умирает и начинает терять свой драгоценный тропонин.

– Постарайтесь не употреблять наркотики, – советую я, и мы оба смеемся. – Seriously, умеренность никому еще не вредила. Особенно с возрастом.

Я знаю, что он не изменится. У него уже был один инфаркт. Очередные выходные могут стать для него последними. Я буду скучать по его умопомрачительным историям, бархатному смеху и блеску в глазах, когда он в мельчайших подробностях рассказывает о близняшках, с которыми провёл уик-энд в мотеле.

Они приходят и уходят, люди приемного покоя. Лицо за

лицом, история за историей, тело за телом. Каждый заперт в собственном пространстве. Иногда я просыпаюсь среди ночи и вспоминаю, кто поступил, а кто выписался.

Столько людей. Столько зависимостей. Порой мне трудно поверить, что мы живем своей жизнью. Скорее, жизнь живет нами. Мы – лишь пешки в этой бешеной гонке, пытающиеся зубами удержать ускользающие дни, которые стремительно уносятся прочь и исчезают за горизонтом. Колеса проскальзывают на льду, и мы мчимся без тормозов к очередному повороту.

Вот Дэвид из седьмой палаты. Дэвид – наркоман, он подсел на дилаудид. Дилаудид – это обезболивающее, опиат.

Когда мы познакомились, Дэвид не был человеком приемного покоя. Он просто катил по дороге жизни – крыша откинута, лицо подставлено солнцу, впереди прямая ровная дорога. Он работал в гараже «Эмералдс» на углу Второй и Мейн-стрит, чинил дизельные двигатели. У него была прелестная подружка, квартира – и будущее. А потом как-то вечером после работы он уронил на пол кухни мобильный телефон. Стекло треснуло, и от злости он со всей силы врезал кулаком по шкафчику над раковиной.

Две пястные кости, которые можно нащупать на тыльной стороне ладони, щелкнули и сложились, как сломанные карандаши.

– Это называется «переломом боксера», – сказал я ему, занимаясь его рукой. – Вам нужно сделать операцию, чтобы

кости срослись правильно.

Он кивнул – собственная глупость его явно смущала.

– Такое случается, – подбодрил его я. – Просто займитесь рукой и будете как новенький.

Я велел ему обратиться к хирургу-ортопеду, чтобы тот выправил его кисть. Дэвид поблагодарил, и мы расстались.

То есть я так думал.

Но Дэвид не пошел к ортопеду. Не пошел совсем. Он стал принимать выписанное мной обезболивающее – перкосет, наркотик. И когда он принял первую таблетку, во мраке, царившем в его разуме, вспыхнул свет. Свет был настолько ярким, что ослепил его и затмил весь остальной мир.

Через неделю он вернулся. Наложенная мной временная шина была грязной. Она совсем разболталась. Дэвид сказал, что проспал прием у ортопеда, а рука страшно болит. Он записался на другое время, но сейчас ему нужно обезболивающее.

Я снял повязку и осмотрел руку – она покраснела и распухла. Похоже, Дэvidу действительно было больно. Делать нечего, оставалось только ждать. Еще не зная, куда это нас заведет, я выписал ему обезболивающее, сам позвонил ортопеду и записал пациента на следующий же день. Дэвид сказал, что придет. Обязательно придет.

Но наркотики – странная вещь. Второй курс таблеток сделал свое дело. Таблетки вытолкнули Дэвида из этого мира и показали убежище, личное пространство между нот.

В следующий раз мы встретились через три месяца. Он потерял работу, подружку и квартиру. Он жил на диване у приятеля. Дэвид решил, что любит эти таблетки сильнее всего остального и готов пожертвовать всем ради еще одного прекрасного часа опиатной благодати.

Таблетки кончились, но коллега продал ему дилаудид, еще более сильный наркотик. Перкосет стал казаться детской забавой. А потом приятель приятеля познакомил Дэвида с отвязным кузеном дилаудида, героином. Таблеткам и ожиданию благословенного момента больше не оставалось места.

С героином ты можешь взлететь на вершину, как только игла поцелует твои вены.

Короче говоря, Дэвид дошел до крайности, несмотря на все мои попытки склонить его к лечению. Он на собственном горьком опыте узнал, что за каждой героиновой вершиной следует глубокая пропасть. И теперь он оказался на самом ее дне.

Две недели назад ему все же сделали операцию на руке. Пришлось ломать неправильно сросшиеся кости. Я видел его запястье. Оно напоминало выбросившегося на берег кита, окруженного строительными лесами – экзоскелет запястья обхватывал всю руку Дэвида. Только так можно было выправить кости, слишком долго остававшиеся в неправильном положении. Когда Дэвид стал героиновым наркоманом, он перестал думать об иглах, гигиене – обо всем, кроме следу-

ющей дозы.

Он подцепил МРЗС – метициллин-резистентный золотистый стафилококк, бактерию, устойчивую к антибиотикам. И бактерия мгновенно атаковала его запястье. Сейчас его рука лежит на подушке, пальцы выпрямлены. Кисть похожа на кисть великана: распухшая, красная, горячая, источающая гной – жуткое зрелище.

И вот сейчас, когда обезболивающие нужны Дэвиду как никогда, они уже не работают. Ежедневные дозы героина убивали рецепторы опиатов в его мозгу – так волны смывают следы на песке.

Я накачиваю его обезболивающими, но они просто идут по нейронам, не зная, что делать и как помочь.

Дэвид лежит на каталке, весь мокрый от жара – от инфекции у него поднялась температура. Через полчаса ему предстоит отправиться в операционную. Всю конструкцию придется снимать и начинать с нуля.

Я смачиваю салфетку и кладу на его потный лоб. Дэвид не смотрит на меня. Он смотрит в потолок, считает дырки в панелях и пытается понять, что же произошло с его жизнью.

– После операции я к вам поднимусь, – говорю я.

Он не отвечает.

Это нормально. Люди приемного покоя никогда не отвечают.

Я выхожу из палаты.

Это касается почти всех пациентов – по крайней мере, сейчас. Люди приемного покоя – особый народ, странное племя, потерявшие мальчики Питеры Пэны, только с зависимостями и хроническими болезнями. Когда им некуда идти, они оказываются здесь.

С нами.

С теми, кто работает в приемном покое.

С еще одним народом, потерявшимся в пространстве между нот.

А теперь я расскажу о нас: о врачах, медсестрах, санитарях и администраторах приемного покоя. Не о тех, кто приходит на пару месяцев и сбегает, выбирая новую работу в другом месте. Не о них – они нормальные люди. За них можно не беспокоиться.

Я расскажу о тех, кто пришел сюда и так и не ушел. Для кого приемный покой стал работой.

Вот, например, Том. Сегодня он дежурный мед-брат. Ему уже далеко за шестьдесят. Невысокий, лысеющий, непрерывно курящий и глотающий нитроглицерин ветеран Вьетнама. За тридцать лет работы он стал настоящим виртуозом языка приемного покоя. В одном его предложении больше ругательств и проклятий, чем в речи большинства людей за неделю. Лексикон его настолько ярок и образен, что я в обществе Тома часто теряю дар речи. Он настоящий художник слова, маэстро Мальстрема³ экстренной медицины. Когда увидите

³ Мальстрем – неоднократно описанный в литературе гигантский водоворот

его, спросите, как прошла смена, – или, выражаясь его языком, «чертово шоу». Но когда этот человек входит в палату пациента, он мгновенно становится истинным профессионалом.

Он тоже наркоман. Только у него другой наркотик – приемный покой.

Однажды мы разговаривали об этом. Мне было плохо, работа меня доконала. Бесконечная бойня выбивала меня из колеи так часто, что мне уже не хотелось возвращаться. Мне хотелось уйти, покончить с этим. Работать с девяти до пяти, отдыхать по выходным, как весь остальной мир. Я устал от пространства между нот, которое я делил с другими наркоманами в три часа ночи с понедельника на вторник. Я чувствовал себя в ловушке и не мог выбраться.

– Вы не сможете уйти, док, – сказал мне Том. – Да, конечно, можете попытаться. Возможно, это вам сейчас и нужно. – Он закинул таблетку нитроглицерина под язык: стенокардия не давала ему покоя. – Но это место меняет людей. Оно ловит нас на крючок, и когда такое случается, отсюда уже не уйти.

Я покачал головой. Я думал, что это не про меня. Я думал, что он ошибался, и мне-то удастся уйти. Я ушел – взял полугодовой академический отпуск. Но не прошло и двух недель, как мне сделалось плохо. Весь мир вокруг стал серым, скучным, заурядным, упорядоченным... и, что хуже всего, пред-

в Норвежском море, считающийся губительным для попавших в него кораблей.
(Примеч. ред.)

сказуемым.

Врач скорой качал дыхательный мешок и что-то кричал водителю. Я видел лишь мельком, буквально секунду, и машина скрылась вдали. Я стоял на тротуаре и смотрел им вслед. Прошла минута. Собака заволновалась. Мимо прошептывала пожилая пара, вышедшая на утреннюю прогулку. Мужчина вежливо кивнул, женщина улыбнулась. Я поздоровался, они поздоровались в ответ. Аккуратные старички с хорошей кожей и идеальными зубами, крепкие и энергичные.

Во дворе напротив на идеально подстриженном газоне за столь же идеально подстриженной изгородью играли дети. В воздухе пахло весной, а небо было безоблачным и синим. Отец детей сидел на крыльце, пил кофе и читал газету. Я чувствовал себя отдохнувшим. И нормальным. Но это было ужасно.

Я должен быть счастлив и спокоен, но я думал только о той скорой, о том, как медики врываются в приемный покой и кричат о помощи.

Через два дня я прервал свой отпуск и вернулся в больницу. Увидев меня, Том кивнул с легкой улыбкой и сразу же ввел в курс дела.

– Сегодня здесь просто сумасшедший дом, док. У нас тридцать озверевших родственников в зале ожидания, и администраторы дышат нам прямо в затылок.

Его перебил громкоговоритель. Синий код⁴ в трех минутах езды. Том разразился очередной нецензурной тирадой, кинул под язык пару таблеток нитроглицерина и понесся готовить койку.

Мэнди Б., пошатываясь, вышла из палаты и рухнула ничком, разбив нос. Похоже, она где-то нашла бенадрил. Я не успел среагировать, как из соседней палаты появился Стивен и присел на корточки рядом с Мэнди, качаясь, как дерево на ветру. В руке он держал бутылку Mad Dog. Стивен перевернул Мэнди и осторожно похлопал по щеке, зовя по имени. Он явно хотел убедиться, что с ней все в порядке.

И тут я понял: это мое место, я принадлежу ему. Это не просто народ приемного покоя. Это мой народ, мое племя. Мое место в этом мире рядом с ними – с алкоголиками, наркоманами, несчастными, страдающими и погибающими. Оказалось, что между нот есть пространство, где звучит музыка.

Почему-то мы оказались в этом безумном пространстве все вместе. Но это хорошо, потому что, как ни странно это покажется, мы не одиноки в своих зависимостях, недостатках и безумии.

Мы есть друг у друга.

Мы – народ приемного покоя, люди скорой.

⁴ В американских больницах приняты цветовые коды оценки ситуаций. Синий код – «нужна срочная реанимация». (Примеч. ред.)

Благословение первое и последнее

Я встал в изножье кровати и похлопал по матрасу правой рукой.

– Давайте, кладите ее сюда.

Два медика синхронно кивнули, ухватились за края простыни и подняли пациентку, как в гамаке.

– Раз, два, взяли! – скомандовал высокий.

Они переложили женщину с каталки скорой помощи на больничную кровать, отпустили углы простыни, и она расправилась.

Пожилая женщина в застиранном розовом белье и поношенном халате лежала на спине под беспощадным светом люминесцентных ламп. Женщина была очень худой, фунтов семьдесят⁵, не больше, – скелет, обтянутый кожей. Я мгновенно понял, что передо мной тело, почти уничтоженное раком. Болезнь расплавила ее, как кусочек сахара, брошенный в чашку чая. Остались одни опухоли, но и они скоро исчезнут.

Медики отступили, и я шагнул вперед. Женщина не реагировала. Она просто лежала, не шевелясь, только грудь судорожно вздымалась. Глаза ее были крепко зажмурены. Они так глубоко ушли в глазницы, что мне на мгновение пока-

⁵ Около 32 кг. (*Примеч. ред.*)

залось: их удалили после какой-то ужасной катастрофы. Я приложил стетоскоп к груди, и веки женщины шевельнулись, почувствовав прикосновение. Глаза сохранились, но провалились настолько, что это казалось невозможным.

Я слушал ее сердцебиение. Тук-тук, тук-тук – пауза – тук-тук... Сердце билось неровно – так пьяный инвалид ковыляет на деревянной ноге. Легкие сжимались и расширялись со страшным хрипом – воздух растягивал легочную ткань, которая больше не желала растягиваться.

Я обернулся. Такое тело – это предупреждение. Предупреждение такое же громкое и понятное, как сирена воздушной тревоги или сигнал телеметрической системы. Кто-то довел эту женщину до такого состояния. Ее состояние слишком тяжелое, чтобы она могла дойти до него сама, в одиночку. И кто бы это ни был, совершенно ясно, что «нет» в качестве ответа они не примут, даже если это рак... Я нервно обернулся на приемный покой. Пока там никого не было.

Я повесил стетоскоп на шею и продолжил осмотр. Женщина чуть-чуть повернула голову набок, и ее череп блеснул в свете люминесцентных ламп. Волос у нее не было. Я заметил, что кожа черепа покрыта тонкой паутиной темных вен. Они змеились под кожей, словно трещины на лобовом стекле или на замерзшей луже. На висках пульсировали крупные артерии. Я мог сосчитать пульс, даже не прикасаясь к ним, просто наблюдая, как они сжимаются с каждым ударом сердца.

Кожа на голове казалась слишком натянутой, слишком тонкой, словно женщину окунули в воду, и кожа ее сжалась, села, как дешевый хлопок. Похоже, череп ее устал ждать, когда она умрет, и теперь сам рвался на волю, готова она или нет.

Передо мной был живой труп – если под жизнью понимать биение сердца. За долгие годы я много раз видел завершение жизни. Жизнь кончалась по-разному. У некоторых это мерный финальный аккорд, который трудно описать. Смерть – это колокол, который созывает братьев и сестер, отцов и сыновей, матерей и дочерей. Они возвращаются в семью, из которой вышли, чтобы отметить хорошо прожитую жизнь.

На похоронах показывают слайды, рассказывают истории, смеются и плачут. Братья и сестры вспоминают забытую дружбу, а правнуки впервые встречаются со своими кузенами. Последний дар умершего – соединение семьи, укрепление ослабевших уз.

Но бывают и другие смерти. Они превращают жизнь оставшихся в хаос. Когда член семьи умирает, не разрешив конфликтов и не простив предательства, он забирает с собой все шансы на примирение. Живые получают груз проблем – гранату с выдернутой чекой. Братья и сестры начинают воевать друг с другом. Горе заставляет их говорить и делать такое, что невозможно будет забыть.

При приближении смерти каждого члена семьи может захлестнуть темная волна невроза. Здравый смысл отступает.

И тогда люди начинают настаивать на новой химиотерапии, новых лекарствах, тянут время на ИВЛ. Им кажется, что это проявление любви, которым можно компенсировать десятилетия забвения и безответных телефонных звонков.

Люди перестают осознавать последствия своих решений. Они начинают драться, как голодные собаки за кость, пытаются перешеголять друг друга в требованиях новых анализов и новых антибиотиков для мамы или папы.

Ситуация продолжает ухудшаться, и вскоре нам приходится вызывать охрану, чтобы разнять сцепившихся родственников. Медсестры ИВЛ уже боятся идти на работу. Они знают, что их ожидают очередные скандалы.

Но смерти нет дела до этого. Она приходит по собственному расписанию. И нетерпимость родственников друг к другу мгновенно исчезает, как только это происходит. Странно смотреть на тело и знать, что семью ожидает смерть. Но это ясно как день. И на этом теле, которое лежало передо мной, на этой крохотной женщине, которая упорно отрицала смерть, я видел все следы катастрофического конца.

– Что произошло? – спросил я у бригады скорой помощи.

– Муж сказал, что не смог ее разбудить, поэтому вызвал нас, – один из медиков посмотрел на женщину, потом перевел мрачный взгляд на меня. – Он уже едет.

– Она не из хосписа?

Он опустил взгляд на свои записи и ответил, стараясь не смотреть мне в глаза.

– У нее рак поджелудочной с метастазами. Терминальная стадия.

Медик посмотрел на меня и перешел на шепот:

– Имейте в виду, ее муж вышел на тропу войны. Нам пришлось вызывать полицию, чтобы он не мешал скорой.

Я смотрел на женщину и пытался представить ее мужа. Ей было лет восемьдесят пять – девяносто. Медик заметил выражение моего лица и сказал:

– Вы все поймете, когда он доедет, – он нервно обернулся. – Не дай бог она умрет до его приезда.

Ее муж – не тот человек, с которым стоит связываться.

Я кивнул и вернулся к постели, гадая, что же за чудовище сейчас появится. Судя по виду женщины, ему стоило бы поторопиться – что бы я ни сделал.

Я вскрыл кислородные трубки, подключил их к источнику, ввел трубки в ноздри женщины и закрепил их на ушах и под подбородком. Отвернув кран, я начал подачу кислорода – два литра в минуту. Женщина никак не реагировала.

Медсестра Элли наложила на левую руку женщины детскую манжету и затянула, чтобы измерить давление. Вошел администратор. Он защелкнул на запястье женщины браслет-идентификатор.

– Ее зовут Ева Ми-хай-лов. – Администратор с трудом произнес напечатанное имя. – Восемьдесят семь лет.

Я кивнул.

– Ева, вы в приемном покое, – я наклонился к женщине и

попытался говорить громче. – Вы меня слышите?

Губы ее шевельнулись, словно она хотела что-то произнести, но не смогла.

– Ева? – я осторожно тронул ее за плечо.

Она застонала, но не ответила.

Я нажал кнопку измерения давления на мониторе. Манжета на руке пациентки надулась. Через несколько секунд монитор противно запищал. Давление у Евы оказалось критически низким, содержание кислорода в крови тоже. Сердцебиение замедлилось.

Манжета беспокоила женщину. Она повернулась на бок и сжалась в клубок. Халат сполз с плеча, обнажив грудь. Я увидел, что у нее удалены обе груди – рак забрал у нее все. Наверное, так выглядели узники Дахау или Аушвица в конце Второй мировой войны. Но у нас не было войны – только тело, изуеченное современной медициной до невообразимого состояния.

Я поправил халат, и тут в изножье кровати появился мужчина.

– Я Федор, муж Евы, – сказал он с настолько сильным русским акцентом, что я с трудом понял его.

Мы обменялись рукопожатием – он чуть не сломал мне пальцы. Я сразу понял, почему медики вызвали полицию. Даже в своем преклонном возрасте Федор был настоящим медведем. Он навис надо мной, и Ева показалась еще более крохотной. На нем был выгоревший комбинезон, коричне-

вые лямки натянулись на могучей груди. Мужчина напоминал гигантский дуб – такому торсу позавидовали бы многие спортсмены.

Я почувствовал сильный запах кедра и пота. В волосах Федора были видны опилки. Я опустил глаза – неудивительно, что у мужчины не хватало трех пальцев: двух на левой руке и одного на правой.

Совершенно понятно, почему ему удалось сохранить такую хорошую физическую форму. Это был дровосек. Лесоруб. Нетрудно было представить, как такой человек валит деревья, росшие еще до Рождества Христова.

Неожиданно мне стало ясно, почему никто не сказал ему, что уже достаточно. Почему ни один врач не отказался делать его крохотной жене химиотерапию или очередной курс облучения.

Федор заложил пальцы за лямки комбинезона. Руки скрылись под пышной седой бородой. Он кивнул, словно давая мне знак сказать, что с его женой все кончено.

Но всему свой срок.

– Что произошло? – спросил я.

Федор ухватился за спинку кровати и посмотрел на Еву.

– Я вернулся с работы и увидел, что она сидит на... – он нахмурился, словно подбирая английское слово. – На шезлонге. Я позвал: «Ева, Ева», но она не проснулась.

– Какой у нее рак?

Это слово было ему знакомо.

– Поджелудочная. Рак поджелудочной.

– Химия? – я жестом показал капельницу.

– Вчера.

Я кивнул, стараясь не выдать своих чувств. Это было ужасно. Если бы так поступил по отношению к больному животному ветеринар, его обвинили бы в жестоком обращении и лишили лицензии. Но наше общество порой считает, что чем дольше длится лечение, тем лучше.

Я посмотрел на Еву. Ей следовало находиться в хосписе. Честно говоря, ей вообще уже не следовало жить. Это преступление против нее, против природы, против самой вселенной.

Как Федор мог каждый день смотреть на нее и не видеть того, что вижу я?

– Давление критическое, док, – сказала Элли. – Систолическое шестьдесят четыре.

Она ввела в крохотную руку Евы иглу капельницы. Элли ждала, что я спрошу у Федора, настаивает ли он на реанимации. Если да, то нам понадобится больше помощников. Ева быстро слабела.

Я повернулся к Федору и указал на дверь.

– Давайте выйдем на минуту. С ней побудет Элли.

– Нет, – покачал головой он. – Я останусь здесь.

Я тяжело вздохнул. Спорить не имело смысла.

Словно желая настоять на своем, Федор обошел кровать и опустился на колени рядом с Евой. Он взял ее за руку – его

пальцы были чуть ли не толще ее руки – и осторожно сжал.

– Ева, я здесь, с тобой.

Она не отвечала. Федор поднял глаза на меня, нахмурился и снова посмотрел на жену.

– Ева! – повторил он и добавил что-то по-русски.

Она застонала и съежилась от громкого звука.

– Не сдавайся! – он придвинулся ближе и произнес, то ли подбадривая, то ли угрожая. – Не сдавайся!

Мне следовало бы вызвать охрану и выставить его из палаты. Но я сдержался. У него было право находиться здесь. И я должен был уважать это право.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.